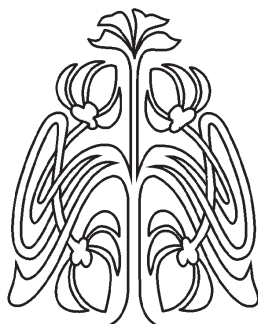
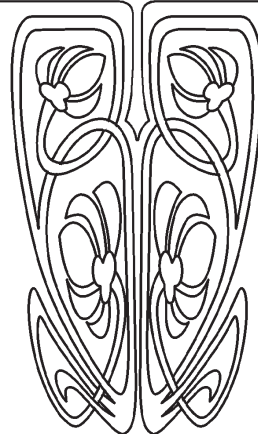

ЭКОНОМИКА

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 126–136
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 126–136
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-126-136>

Научная статья
УДК 339.9.01

Неопротекционизм – необходимое условие технологического развития современной России

Н. В. Найденова

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д.1

Найденова Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, nat.naid@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0813-6191>

Аннотация. Введение. Противоречия, накопившиеся в мировой экономике, ставят под сомнение преимущества глобализации и свободной торговли, усиливая тенденции протекционизма. **Теоретический анализ.** Со времени меркантилизма, создавшего предпосылки промышленной революции, протекционизм и промышленная политика стали использоваться как взаимодополняющие механизмы. В XX в. протекционизм был окончательно вытеснен из торговой политики и из научных исследований. Однако политика фри-тредерства не смогла снять противоречия стран «ядра» и «периферии», социально-экономическое неравенство которых сохраняется. Назрела необходимость выработки новой концепции международной торговли, называемой «неопротекционизм». **Эмпирический анализ.** Существенное нарушение баланса международной торговли между крупнейшими ее участниками в значительной мере затрагивает Россию. Созданная после реформ система воспроизводства и недостаточный для преодоления деиндустриализации уровень валового накопления привели к высокой степени износа основных фондов и разрушению производственного базиса российской экономики. **Результаты.** Риск внешних угроз и необходимость преодоления технологического отставания обуславливают применение неопротекционизма, предусматривающего преференции, прежде всего, для предприятий, нацеленных на социальную эффективность, поскольку понятие «отечественный производитель» в процессе глобализации утратило первоначальный смысл.

Ключевые слова: меркантилизм, протекционизм, неопротекционизм, свободная торговля, торговый баланс, валовое накопление, отечественный производитель

Для цитирования: Найденова Н. В. Неопротекционизм – необходимое условие технологического развития современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 126–136. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-126-136>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Neoprotectionism as a necessary condition for the technological development of modern Russia

Natalia V. Naidenova

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Natalia V. Naidenova, nat.naid@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0813-6191>

Abstract. Introduction. The contradictions that have accumulated in the world economy call into question the advantages of globalization and free trade, reinforcing the tendencies of protectionism. **Theoretical analysis.** Since mercantilism, which created the prerequisites for the Industrial Revolution, protectionism and industrial policy have been used as complementary mechanisms. In the twentieth century, protectionism was finally ousted from trade policy and from scientific research. However, the policy of free-trade has not been able to remove the contradictions of the countries of the “core” and “periphery”, whose socio-economic inequality persists. There is a need to develop a new concept of international trade, called neoprotectionism. **Empirical analysis.** A significant disruption of the international trade balance between its largest participants significantly affects Russia. The reproduction system created after the reforms and the level of gross accumulation insufficient to overcome deindustrialization led to a high degree of depreciation of fixed assets and the destruction of the production basis of the Russian economy. **Results.** The risk of external threats and the need to overcome the technological gap determine the use of neoprotectionism, which provides preferences primarily for enterprises aimed at social efficiency, since the concept of a domestic producer has lost its original meaning in the process of globalization.

Keywords: mercantilism, protectionism, neoprotectionism, free trade, trade balance, gross accumulation, domestic producer

For citation: Naidenova N. V. Neoprotectionism as a necessary condition for the technological development of modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 126–136 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-126-136>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Широкая вовлеченность стран и территорий в международное разделение труда в условиях глобализации, свободное движение капиталов обернулись существенными структурными сдвигами в мировом производстве. Глобальные цепочки создания стоимости и возможности современной логистики отменили производственные ограничения, расширили рыночное пространство, охватившее все уголки планеты. Пространственная структура мировой экономики сильно изменилась. Интенсивная индустриализация сначала пришла в страны Юго-Восточной Азии, а затем в Китай и Индию. Господствовать на глобальном рынке стали транснациональные корпорации, а экономическая дифференциация государств усилилась. Деятельность международных структур, таких как ВТО, МВФ, ВОЗ, созданных мировым сообществом с целью ускорения общечеловеческого прогресса, перестала им эффективно контролироваться. Эти структуры все больше используются в качестве механизма экономического и политического давления стран «ядра» на страны «периферии», превращая их в собственные сырьевые добавки. Исторически сформировавшиеся роли, с одной стороны, стран «ядра», обладающих конкурентными преимуществами в сфере техники и технологий, и, с другой – «периферии» в качестве источников сырья и дешевой рабочей силы устойчиво сохраняются.

Те государства, которые стремятся к экономическому суверенитету и повышению благосостояния нации, обязаны проводить соответствующую экономическую политику, ориентированную на создание высокотехнологичных национальных производств, обоснованно используя для этого широкий набор инструментов, которыми располагают. Очень мощными способами воздействия на экономическое развитие в открытой экономической системе, проверенными на практике

со времен политики меркантилизма, являются инструменты регулирования внешней торговли. Когда в торговой политике преобладают меры и инструменты, создающие преференции отечественным экономическим субъектам и нацеленные на развитие национальной экономики, то ее принято определять как протекционистскую.

Теоретический анализ

Признанным показателем повышения благосостояния страны сегодня является рост валового внутреннего продукта, т.е. фактически добавленной стоимости, произведенной в экономике. Со времен классиков известно, что добавленная стоимость растет по мере углубления разделения труда, повышающего его производительность. Но при этом возникает проблема реализации: чем масштабнее производство, тем больше должна быть емкость рынка. Последняя может увеличиваться либо экстенсивно, за счет объединения локальных рынков и расширения рыночного пространства вплоть до глобального, либо интенсивно – за счет роста доходов населения и покупательной способности. Именно в расширении рынка за пределы национальных границ заключается одна из важнейших целей внешнеторговой политики.

Внешнеторговая политика протекционизма, являясь составной частью государственной экономической политики защиты национальной экономики, предусматривала использование таких мер, как ограничение или запрет импорта, стимулирование экспорта с помощью структуры тарифов, таможенных пошлин, квотирования и т.д. Протекционизм, нацеленный на поддержание активного внешнеторгового баланса, стал базовым постулатом экономической политики меркантилизма, которая господствовала в европейских странах в XVI–XVIII вв. Политика меркантилизма предполагала объединение рынков и стимулирование развития национальной промышленности, поддержание активного торгового

баланса. Согласно меркантилизму превышение экспорта над импортом в торговом балансе одной страны сопровождается преобладанием импорта в другой стране. Следовательно, дефицит торгового баланса неизбежно подводит страну к экономическому краху, поскольку замораживает развитие национального производства. В то же время страны с профицитным торговым балансом становятся сильными, поскольку накопление положительного сальдо служит увеличению доходов казны, производство в них развивается с растущим масштабом, и они разоряют своих конкурентов при помощи дешевых товаров. Потому меркантилисты выступали, с одной стороны, за применение различных ограничений импорта с целью недопущения зарубежных товаров на внутренний рынок, а с другой – за стимулирование отечественного производства этих товаров, поощрение экспорта.

Одним из наиболее последовательных сторонников меркантилизма в середине XVII в. был Томас Мэн. Применение такой политики в Англии способствовало бурному развитию ее промышленности, переходу от ремесленного производства к более производительному мануфактурному, а затем фабричному. Столь интенсивный переход был назван промышленной революцией и вывел Англию на лидирующие позиции в мировом промышленном производстве. В связи с этим протекционизм и промышленная политика стали использоваться как взаимодополняющие механизмы, формирующие преимущества для развития отдельных отраслей национальной экономики.

Классический переворот, произведенный Адамом Смитом и Давидом Рикардо в теории международной торговли, привел к смене протекционизма политикой свободной торговли. Противником применения универсальной торговой политики в середине XIX в. стал Фридрих Лист, считавший, что свободная торговля способствует развитию нации лишь в сельскохозяйственный период ее развития. По его мнению, для стимулирования зарождения и развития промышленности в странах, только вступивших на путь индустриализации, необходимо применять защитные от внешней конкуренции меры, в том числе протекционистские пошлины.

Аналогичной точки зрения в вопросе влияния внешнеторговой политики на развитие промышленности придерживался Карл Маркс: «Если мы провозгласим свободу торговли и отменим наши пошлины, то вся наша промышленность, за исключением немногих отраслей, будет разорена. ... Промышленные рабочие, оказавшись внезапно безработными, хлынут массами в сельское хозяйство и уцелевшие еще остатки промышленности; повсюду начнется быстрый рост пауперизма,

централизация собственности в руках немногих ускорится в результате такого кризиса и ... неизбежным следствием этого кризиса явится социальная революция» [1, с. 548]. Рассматривая перспективы применения покровительственных пошлин, Маркс соглашается с тем, что промышленность при этом будет развиваться, спрос на рабочую силу, а вместе с ней зарплата будут расти, но подчеркивает ограниченность такого развития. Ведь оно будет продолжаться лишь до тех пор, пока не будет удовлетворен внутренний рынок. В дальнейшем, несмотря на то что окрепшая промышленность станет конкурентоспособной на внешних рынках и пошлины можно будет снижать, она, по мнению Маркса, развиваться не сможет, поскольку будет вовлечена в процессы мировых экономических кризисов.

Спустя почти два столетия с момента этих высказываний мы убеждаемся в их справедливости. С той лишь разницей, что, согласно предвидению Маркса, в результате свободы торговли произойдет вытеснение рабочей силы в сельское хозяйство, а в России на рубеже XX–XXI вв. она была вытеснена в торговлю и сферу услуг. С негативными последствиями политики свободной торговли в полной мере столкнулись многие страны постсоветского пространства. Придерживаясь политики фритредерства, несмотря на неравное социально-экономическое положение со многими торговыми партнерами, вначале они пережили деиндустриализацию, затем разорение сельского хозяйства и в итоге депопуляцию, когда стали источником дешевой рабочей силы для более развитых экономик. В экономической науке данная причинно-следственная связь получила название эффекта Ванека – Райнерта [2].

Таким образом, если в первой половине XX в. протекционизм еще присутствовал в экономической политике ряда государств, то во второй половине столетия стал пережитком, хотя в отдельные, особенно в кризисные для экономики периоды его методы вновь применялись. К примеру, в период Великой депрессии многие страны устанавливали торговые барьеры в ответ на принятие США в 1930 г. закона Смута – Хоули о тарифе. Также после Второй мировой войны страны с разрушенной экономикой старались стимулировать внутреннее производство при помощи инструментов протекционистской политики.

Расширение емкости рынков на протяжении XX в. вплоть до глобального, значительное влияние ВТО на международные экономические отношения увеличили число сторонников фритредерства, вытеснив протекционизм в его явных формах из торговой политики, а также из научных исследований. Те из них, в которых анализиро-

валось влияние внешнеторговой политики на неравномерность экономического развития стран (Р. Пребиш и Х. Зингер, С. Фуртадо, А. Эммануэль, С. Амин), не получали широкого распространения и признания. В научных исследованиях закономерностей развития мировой экономики стало господствовать положение о преимуществах вовлеченности стран «периферии» в глобальный рынок на принципах фритредерства. Представители новой теории международной торговли и международной специализации (П. Кругман, М. Ч. Кемп, К. Шимомура, Э. Хелпман, Г. Хуфбауэр, Д. Бхагвати и др.), получившей широкое распространение начиная с 80-х гг. XX в., доказывали необходимость свободной международной торговли в эпоху глобализации.

Однако вместе с расширяющимися объемами производства и торговли в глобальной экономике диспропорции между странами «ядра» и «периферии» не только не исчезли, а, напротив, стали увеличиваться, сопровождаясь нарастанием разрыва в доходах. Так, если в 2010 г. превышение показателя ВВП на душу населения в странах с высоким доходом над показателем стран с низким доходом составляло 35 раз, то к 2020 г. уже 62 раза [3]. Пребывание в ВТО с 1995 г. не способствовало экономическому развитию таких стран, как, например, Бурунди, Мозамбик, Мадагаскар, у которых показатель ВВП на душу населения в 2020 г. составлял 239, 448, 471 долл. соответственно [3].

Увеличение степени неравенства экономического развития стран и коренные изменения, происходящие с началом XXI в. в мировой экономике, обуславливают необходимость выработки новой концепции международной торговли и существенных изменений внешнеторговой политики на основе протекционизма. Эти изменения заключаются в отходе от глобализма в направлении политики экономического национализма, предполагающей дирижизм, импортозамещение и протекционизм.

Протекционизм в XXI в. можно определить как неопротекционизм, являющийся следствием накопления количественных изменений в мировой торговле, трансформации действующих институтов и механизмов, качественных изменений внешнеторговой политики. Неопротекционизм, в отличие от классического протекционизма, предполагает применение более разнообразных мер защиты национального производства и рынков, становится неотъемлемым инструментом обеспечения экономической и национальной безопасности. Последнее имеет особое значение в связи с потерей эффективного контроля со стороны мирового сообщества за деятельностью междуна-

родных структур. Политика неопротекционизма характеризуется отходом от явного тарифного регулирования к нетарифному, менее заметному, в виде норм, связанных с экологией, здоровьем и т.п., а также стимулированием национального производства при помощи манипулирования валютным курсом. В связи с вовлеченностью предприятий в глобальные цепочки создания добавленной стоимости понятие «отечественный производитель» утратило первоначальный смысл. Это обуславливает необходимость определять в качестве важнейшей отличительной черты политики неопротекционизма в XXI в. создание преференций для тех предприятий, которые не просто являются резидентами национальной экономики, создают рабочие места, но также нацелены на достижение социальной эффективности, формирование социальной инфраструктуры, обеспечение достойных условий труда и повышение качества жизни работников.

Неопротекционизм в условиях современной России является необходимым условием преодоления научно-технического и технологического отставания экономики, без которого невозможно обеспечить рост добавленной стоимости как источника повышения уровня благосостояния для большинства населения.

Эмпирический анализ

Ренессанс протекционистских воззрений в XXI в. можно увязать с последствиями мирового финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг. Правительства разных стран стремились снизить уровень безработицы при помощи защиты национальных предприятий, обеспечивающих рабочие места. Для сглаживания негативных последствий кризиса в 2009 г. страны G-20 ввели комплекс защитных мер во внешней торговле: увеличили импортные пошлины и другие ограничения импорта, восстановили субсидирование. Декларирование приверженности принципам свободы торговли продолжалось, но фактически число применяемых странами G-20 протекционистских мер увеличивалось. Начиная с 2015 г. интенсивность применения протекционистских инструментов стала несколько снижаться. Если в 2011 г. страны G-20 в среднем вводили по 9 ограничительных мер в месяц, то в 2015 г. – 8, в 2016 г. – 5 [4]. Несмотря на это, нарастание протекционизма продолжалось. Примечательно, что возрождение интереса к меркантилизму и протекционизму произошло именно в США и Великобритании, т.е. странах, которые дважды в истории были в авангарде фритредерства. Начиная с 2018 г. США стали активно вводить квоты и пошлины

на импорт из Китая, инициировав торговую войну. Великобритания в 2020 г. вышла из ЕС, что предполагает существенные изменения в ее внешнеэкономической политике, поскольку действовавшие ранее торговые соглашения отменяются, а будущие будут заключаться на новых условиях.

Наряду с применением тарифных инструментов защиты национальной экономики, в США все более популярным стал один из важнейших постулатов меркантилизма о необходимости поддержания активного внешнеэкономического баланса. Известно, что в США пассивный торговый баланс наблюдается с середины 70-х гг. XX в. Крупнейшим торговым партнером,

с которым у США отмечался наибольший разрыв в торговом балансе, в тот период была Япония. Начиная с 2001 г. им стал Китай. Дефицит торгового баланса США продолжал увеличиваться. В 2019 г. отрицательное сальдо торгового баланса уменьшилось на 17 млрд долл., однако в 2020 г. дефицит не только вырос относительно предыдущего года, но и впервые за двадцатилетний период стал ускоренно приближаться к триллиону долларов, достигнув 922 млрд долл. (табл. 1). Среди крупных участников мировой торговли отрицательное сальдо торгового баланса наблюдалось также в Великобритании, Индии и Турции.

Таблица 1 / Table 1

Динамика сальдо торгового баланса РФ, Китая, США, Германии, Великобритании, Японии, Индии, Республики Корея и Турции в 2016–2020 гг., млрд долл. США
Dynamics of the trade balance of Russia, China, the United States, Germany, Great Britain, Japan, India, the Republic of Korea and Turkey in 2016–2020, USD billion

Страна	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	90	114	193	166	93
Китай	489	476	380	393	515
США	-750	-799	-879	-862	-922
Германия	279	288	265	242	217
Великобритания	-188	-181	-190	-176	-166
Япония	48	44	13	-1	27
Индия	-108	-148	-187	-158	-95
Республика Корея	116	114	110	80	82
Турция	-40	-59	-41	-17	-38

Рассчитано по: [5].

Безусловным лидером по размерам профицита внешнеэкономического торгового баланса является Китай. И, несмотря на тенденцию сокращения положительного сальдо с 2016 по 2019 г., оно вновь увеличилось до +515 млрд долл. в 2020 г. На втором месте находилась Германия с показателем +217 млрд долл. При этом следует заметить, что с 2017 г. профицит ее торгового баланса устойчиво сокращается. Активный торговый баланс в анализируемом периоде был у России, Республики Корея и Японии.

Если же проанализировать положение на мировом рынке услуг, таких как финансовые, транспортные, туристические, компьютерные и другие, отражаемые по статьям баланса услуг, то видим противоположную картину. В течение анализируемого периода у всех стран, имеющих профицит торгового баланса, сальдо баланса услуг было отрицательным, за исключением Германии в 2020 г., у которой оно оставило +4 млрд долл. [5]. В то же время у стран с пассивными торговыми балансами, таких как США, Великобритания, Индия, Турция, сальдо баланса услуг было +245;

+170; +87 и +12 млрд долл. соответственно [5]. Следовательно, в этих странах объемы экспорта определенных видов услуг превышают объемы импорта, что свидетельствует о развитости непроизводственной сферы и значительной степени вовлеченности в международную торговлю услугами. В России в 2020 г. баланс услуг сводится с дефицитом (-18 млрд долл.) прежде всего из-за отрицательного сальдо по статье «Поездки» [5].

Вместе с тем текущий счет платежного баланса в России был профицитным. Его значительное увеличение отмечено в 2018 г., когда положительное сальдо счета текущих операций составило 114 млрд долл. (табл. 2). Основной рост был достигнут в части торгового баланса за счет увеличения объема экспорта и одновременного замедления темпов роста объема импорта. Товарный экспорт увеличился в стоимостном выражении благодаря повышению цен на топливо. Импорт товаров снизился по причине низкого спроса и девальвации российского рубля. Положительное сальдо счета текущих операций позволило нивелировать негативное влияние возросшего оттока

капитала. В 2019–2020 г. сальдо текущего счета России оставалось положительным, но снизилось до +67 и +35 млрд долл. соответственно.

У США текущий счет на протяжении анализируемого периода сводился с дефицитом, который вырос к 2020 г. до 616 млрд долл. Сле-

довательно, лидирующее положение США на мировом рынке услуг и профицит баланса услуг не нивелируют потери, вызванные дефицитом торгового баланса. Отрицательное сальдо счета текущих операций наблюдалось также у Великобритании и Турции.

Таблица 2 / Table 2

Динамика баланса текущего счета РФ, Китая, США, Германии, Великобритании, Японии, Индии, Республики Корея и Турции в 2016–2020 гг., млрд долл. США
Dynamics of the current account balance of Russia, China, the United States, Germany, Great Britain, Japan, India, the Republic of Korea and Turkey in 2016–2020, billion us dollars

Страна	2016	2017	2018	2019	2020
Россия	24	32	114	67	35
Китай	191	189	24	103	274
США	-398	-362	-438	-472	-616
Германия	295	287	312	290	267
Великобритания	-145	-98	-112	-77	-73
Япония	192	206	178	173	147
Индия	-12	-38	-66	-27	33
Республика Корея	98	75	77	60	75
Турция	-27	-41	-22	7	-36

Рассчитано по: [5].

По показателю профицита текущего счета вновь лидирует Китай, который впервые в 2020 г. обошел Германию, достигнув положительного сальдо текущего счета в размере +274 млрд долл. За ними следовали Япония, Республика Корея и Индия, у которой впервые за десятилетний период в 2020 г. текущий счет стал профицитным.

Приведенные выше данные описывают парадоксальную с позиций меркантилизма ситуацию, сложившуюся в современной мировой экономике. В течение полувекового периода у США наблюдался дефицитный торговый баланс, но это не только не привело к экономическому краху, но даже не помешало занять позиции мирового лидера. Причины, по которым воззрения меркантилистов выглядят ошибочными, несомненно, связаны с исключительным положением США в мировой экономике, предначертанным Бреттон-Вудскими соглашениями. Доминирование доллара в мировой финансовой системе позволило стимулировать развитие американской экономики и других стран «ядра» за счет расширения емкости внутренних рынков и изменения масштабов потребительского спроса посредством кредитной эмиссии. И в отличие от остального мира, в странах «ядра» такой механизм не сопровождался инфляцией на потребительских рынках, а приводил к лишь обесцениванию финансовых активов. Как бы то ни было, мировой экономический кризис 2008–

2009 гг. показал, что механизм расширения емкости рынка посредством кредитной эмиссии в развитых странах себя исчерпал.

Меняющиеся условия международной торговли и других экономических отношений в значительной мере затрагивают Россию, вынуждая реформировать экономическую, в том числе и внешнеторговую политику. С одной стороны, Россия не может оставаться в стороне от процесса нарастания количества протекционистских мер, применяемых ее торговыми партнерами, но, с другой стороны, ответные защитные меры должны быть разумными и способствовать экономическому росту.

Высокая степень импортной зависимости российской экономики сформировалась вследствие рыночной трансформации. Россия и другие страны постсоветского пространства, которые интегрировались в мировую экономику в условиях стагнации сферы материального производства, падения производительности труда, массовой безработицы, потери традиционных рынков национальной продукции, неизбежно столкнулись с увеличением технологической отсталости и дальнейшим усилением отрыва от стран «ядра». Несмотря на почти десятилетний период (с 2000 по 2008 г.) со средним темпом экономического прироста 7%, результативность рыночных реформ, осуществлявшихся в России под лозунгом радикальных структурных преобразований, нацеленных на создание социально

ориентированной экономики, остается отрицательной. Экспортно ориентированную сырьевую модель, сложившуюся в результате либеральных экономических реформ в нашей стране, следует признать тупиковой.

Экономический либерализм и мотивируемая частной собственностью конкуренция, абсолютизированные реформаторами российской экономики, привели к ее деиндустриализации и катастрофическому научно-техническому и технологическому отставанию. Ситуация усугубилась после присоединения России в 2012 г. к ВТО. Расчеты на преимущества от вступления в эту организацию, связанные с реализацией ее главного принципа – соблюдение равных прав всех членов на основе режима наибольшего благоприятствования в торговле, не оправдались. Во-первых, российские производители, ослабленные последствиями разрушительных реформ, оказались втянутыми в острую международную конкуренцию на неравных условиях. Во-вторых, преодоление тарифных ограничений благодаря членству в ВТО не уменьшило издержки доступа к внутренним рынкам стран торговых партнеров по причине существования нетарифных торговых барьеров, таких как санитарные,

фитосанитарные и технические требования. Применение последних не противоречило нормам ВТО, поскольку декларировало в основном цели, не связанные с торговлей.

Уровень внешнеторговой зависимости российской экономики несколько уменьшился с проведением политики импортозамещения, проводимой в условиях антироссийских экономических санкций. С 2012 по 2020 г. объемы российского экспорта и импорта снизились в 1,55 и в 1,35 раза соответственно [6]. За 2010–2020 гг. самый высокий показатель отношения объема импорта товаров и услуг к объему ВВП отмечен в 2010 г., а показатель экспорта к ВВП – в 2018 г. (рис. 1). Товарный экспорт в 2018 г. увеличился в стоимостном выражении благодаря повышению цен на топливо. Положительное сальдо счета текущих операций позволило нивелировать негативное влияние возросшего оттока капитала. Но важно отметить неблагоприятную с позиций научно-технического и технологического развития структуру внешней торговли. На долю минеральных продуктов в 2020 г. приходилось 44% экспорта, в то время как на машины, оборудование и аппаратуру – 4% экспорта и 32% импорта [6].

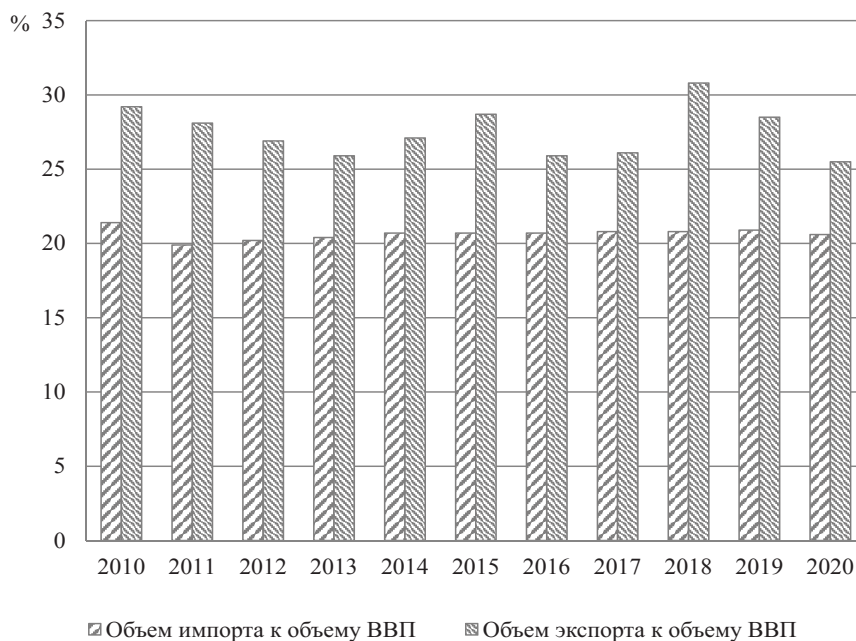

Рис. 1. Динамика показателей отношения объема импорта и объема экспорта товаров и услуг к объему ВВП РФ в 2010–2020 гг. [3]

Fig. 1. Dynamics of the indicator ratio of imports and exports of goods and services to GDP Russia in 2010–2020 [3]

Зависимость России от внешней торговли в целом ниже, чем у Германии, Республики Корея, Турции и Великобритании, у которых объем импорта товаров и услуг относительно объема

ВВП в 2020 г. составлял 37,7; 32,5; 32,5 и 27,7%, а объем экспорта к ВВП – 43,4; 36,4; 28,7 и 27,9% соответственно [3]. Вместе с тем, по сравнению с США, Японией и Китаем, российская экономика

сильнее зависит от мировой торговли. В 2020 г. объем импорта товаров и услуг к ВВП составил в США 13,3, в Японии – 15,5, в Китае – 16,0% [3]. В том же году отношение объема экспорта этих стран к ВВП было 10,2; 15,5 и 18,5% соответственно [3]. Примечательно, что за 2006–2020 гг. доля экспорта товаров и услуг в ВВП Китая сократилась почти вдвое, а у России – в 1,3 раза [3]. Учитывая устойчивый рост ВВП Китая, данное сокращение означает изменение приоритетов его экономической и внешнеторговой политики, нацеленной на увеличение емкости внутреннего рынка за счет роста доходов и покупательной способности населения.

Качественное ухудшение основных макроэкономических показателей России по времени совпало с присоединением к ВТО, однако разворот произошел до этого, до периода снижения цен на нефть и введения санкций. Причины кроются глубже и связаны с созданной после реформ системой воспроизводства и структурными диспропорциями. Значительная, даже можно сказать, гипертрофированная диспропорция, сложилась между торговлей и внутренним производством.

Начиная с 1990-х гг. Россия утратила позиции крупной индустриальной экономики. Показательным является опубликованный ФСГС в разделе «Международные сравнения» перечень мест, занимаемых Россией в 2018 г. по производству отдельных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. Среди продукции, в производстве которой Россия занимала лидирующие места или входящие в первую мировую двадцатку, приведены сахарная свекла, газ природный, нефть, электроэнергия, чугун,

древесина, зерновые и зернобобовые культуры, молоко и т.п. Из всего списка только легковые автомобили можно отнести к высокотехнологичной продукции. Объем их производства (включая сборку) в 2018 г. составлял в России около 1,6 млн шт. В то же время Китай производил 12,2, Япония – 8,4, Германия – более 5,0, США – более 3,0, Бразилия – 1,9 млн шт. В 2020 г. производство легковых автомобилей в России сократилось и составило 1262 тыс. шт. [7].

Согласно объективным законам воспроизводства стабильное развитие экономики и создание конкурентоспособной промышленности невозможно без непрерывного технологического обновления и совершенствования производительных сил. Еще в XIX в. К. Маркс, исследовавший условия простого и расширенного воспроизводства общественного продукта, открыл закон преимущественного роста производства средств производства относительно роста производства предметов потребления, объективное действие которого обусловило переход от мануфактурного к высокопроизводительному индустриальному производству. В современных условиях эффективное социально-экономическое развитие, приобретение и удержание конкурентных преимуществ на мировых рынках невозможно без развития высокотехнологичных отраслей, инновационного типа прогресса, постоянного технологического обновления основных фондов, требующего значительных капиталовложений.

За период с 2009 по 2020 г. доля валового накопления капитала в ВВП была в России несколько ниже среднемировых значений и почти вдвое ниже, чем в Китае (рис. 2).

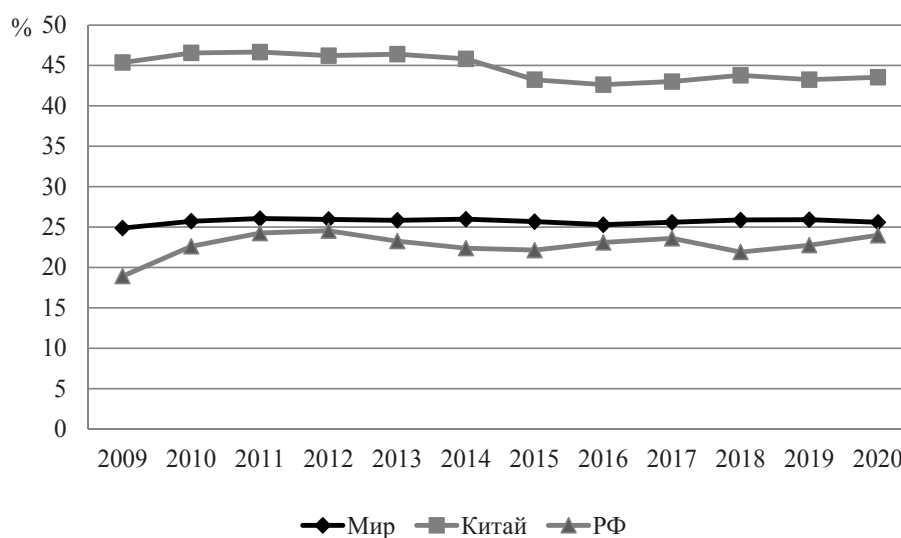

Рис. 2. Динамика доли валового накопления капитала в мире, Китае и РФ, % от ВВП [3]
 Fig. 2. Dynamics of the share of gross capital accumulation in the world, China and the Russian Federation, % of GDP [3]

Низкий уровень валового накопления, недостаточный для преодоления деиндустриализации как следствия рыночных реформ, привел к разрушению производственного базиса российской экономики. Его современное состояние свидетельствует о нарушении условий расширенного воспроизводства и продолжает ухудшаться. Степень износа основных фондов в Российской Федерации за 2017–2020 гг. выросла с 49,5 до 50,1% [7]. Показатели, характеризующие состояние обрабатывающих отраслей по сравнению с экономикой в целом, рисуют еще более удручающую картину. Степень износа основных фондов в этих отраслях за анализируемый период выросла с 48,8 до 51,9%, в том числе в производстве машин и оборудования с 45,9 до 51,4% [8, с. 97]. При этом удельный вес полностью изношенных основных фондов вырос с 14,8 до 17,2% [8, с. 98]. Инвестиции в основной капитал в производстве машин и оборудования снизились с 63,0 млрд долл. в 2017 г. до 60,8 млрд руб. в 2020 г. [8, с. 103]. Индекс фондотдачи снизился с 99,0 до 94,8; средний возраст машин и оборудования вырос с 11,8 до 12,4 года [7].

Такое состояние основных фондов, особенно в отраслях, производящих машины и оборудование и призванных быть локомотивом инновационного и технологического развития, не позволяет рассчитывать на переход вслед за странами-лидерами к пятому и шестому технологическим укладам. Положение национальных отраслей, специализирующихся на производстве средств производства, усугубляется «инновационной ловушкой»: предприятия, работающие на устаревшей технике и технологиях, не предъявляют спрос на высокотехнологичную, инновационную продукцию.

Официальные данные, публикуемые ФСГС, не дают четкой картины технологического раз-

вития российской экономики. Так, на сайте ФСГС к высокотехнологичным видам продукции, объем производства которых приведен в натуральном выражении, отнесены автомобильный бензин и дизельное топливо по классам экологической безопасности. По остальным высокотехнологичным обрабатывающим видам экономической деятельности приводятся лишь индексы. В разделе «Эффективность экономики» представлена динамика доли высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП. За 2011–2020 гг. она увеличилась на 12,8 п.п. [7]. Вместе с тем производство, к примеру, шариковых или роликовых подшипников сократилось за 2016–2020 гг. с 43,5 до 38,1 млн шт. [8, с. 175]. Как положительную тенденцию для улучшения производственного базиса экономики можно отметить увеличение производства металлорежущих станков в 2017–2020 гг. с 4185 до 5068 шт., в том числе с ЧПУ с 650 до 954 шт. [7]. Однако если сравнить эти показатели с аналогичными периодами СССР тридцатилетней давности, то техническое и технологическое отставание России налицо. В 1975 г. СССР начал производство промышленных роботов, которых в 1987 г. было выпущено 14,7 тыс. шт. [9, с. 17–19]. В 1988 г. в СССР было произведено 148 тыс. шт. металлорежущих станков, в том числе с ЧПУ 22,3 тыс. шт. [10, с. 389]. Следует также отметить их международную конкурентоспособность, поскольку 9 тыс. шт. металлорежущих станков в том же году было поставлено на экспорт [10, с. 637]. Удельный вес РСФСР в общесоюзном производстве металлорежущих станков составлял 46,7% [9, с. 28–29]. Следовательно, производство металлорежущих станков в современной России в 13,6 раза, в том числе станков с ЧПУ в 10,9 раза меньше, чем в РСФСР (рис. 3).

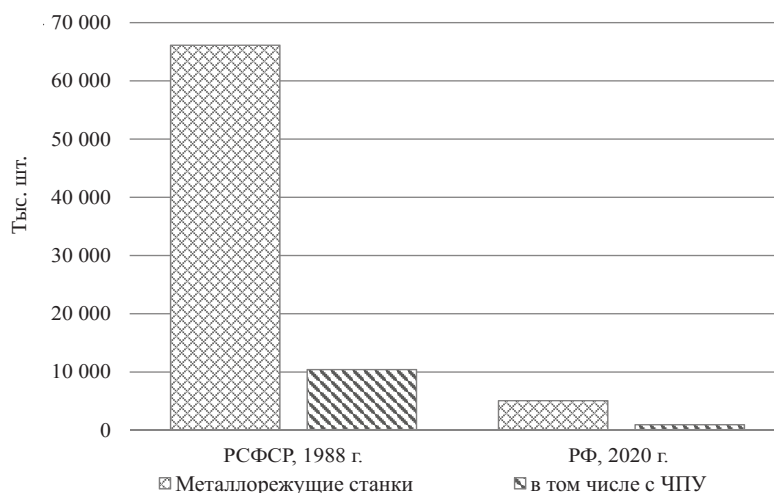

Рис. 3. Производство металлорежущих станков, в том числе с ЧПУ, в РСФСР и РФ [8, 9]

Fig. 3. Production of metal-cutting machines, including CNC, in the RSFSR and the Russian Federation [8, 9]

Вышеизложенное иллюстрирует значительное технологическое отставание России, деиндустриализацию ее экономики, необходимым условием преодоления которой является защита национальных производителей, заинтересованных в инновационном развитии, создании рабочих мест, предоставлении социальных гарантий работникам, иными словами, повышении благосостояния нашей страны.

Одной из самых защищенных тарифными барьерами отраслей российской экономики, как известно, является автомобилестроение. Таможенные пошлины на автомобили-конкуренты АвтоВАЗа в 1990-х и начале 2000-х гг. росли, сдерживая их импорт. Противники протекционистских мер указывают на низкую экономическую эффективность АвтоВАЗа, подчеркивая, что защитные меры не способствовали повышению конкурентоспособности его продукции. Однако при этом они упускают из вида социальную эффективность и угрозы социальной безопасности. Ведь протекционистские меры в отношении АвтоВАЗа позволили сохранить рабочие места на градообразующем предприятии, а значит, и обеспечить источники доходов для семей практически целого города. После присоединения к ВТО началось постепенное снижение пошлин. Российский автомобильный рынок стал более открытым, конкуренция обострилась, неизбежно требуя модернизации производства с целью снижения издержек. АвтоВАЗ стал избавляться от непрофильных активов, прежде всего от социальных объектов, а также автоматизировать производство, сопровождающееся сокращением численности работников. Особенно массовые сокращения прошли в 2008–2009 гг., затем в 2014–2015 гг., и в результате к 2020 г. численность работников АвтоВАЗ составляла немногим более 34 тыс. чел. Учитывая, что 67,61% акций принадлежит французскому автомобилестроительному концерну «Рено», очевидно, что в поле зрения иностранных собственников не попадают проблемы социальной защиты работников АвтоВАЗа. Если в советский период в его активах, как, впрочем, и многих других крупных предприятий, находились санатории, детские сады, дома отдыха и другие социальные объекты, то сегодня ни менеджмент, ни собственники не заинтересованы в оказании социальных услуг работникам и обеспечении им достойных условий труда, отдыха, жизни.

Успешным опытом обоснованного применения протекционистской политики в отношении высокотехнологичной продукции стали меры государственного стимулирования производства бурового оборудования для отраслей ТЭК. После

распада СССР главные позиции на российском рынке буровых установок уверенно заняли китайские компании. Введение в 2012 г. импортной пошлины на буровые установки позволило укрепить положение отечественных производителей, а именно созданного в 2010 г. ООО «Уралмаш Нефтегазовое оборудование Холдинг». Постепенно предприятия ТЭК стали все больше применять оборудование, произведенное в России. С целью дальнейшей защиты отечественных производителей Российское правительство в ноябре 2020 г. приняло постановление, устанавливающее выделение субсидий на приобретение буровых установок российского производства тем предприятиям ТЭК, которые сдадут в утилизацию изношенное буровое оборудование.

Представляется, что дальнейшее применение обоснованных мер политики неопroteкционизма позволит преодолеть технологическое отставание России, сформирует условия для расширенного воспроизводства на собственной производственной базе.

Результаты

Сложившиеся в первые десятилетия XXI в. структурные диспропорции мировой экономики проявляются через изменения экономической, в том числе внешнеторговой политики, связанные с увеличением количества применяемых явных и скрытых протекционистских инструментов, и прежде всего странами «ядра». При таких обстоятельствах российская экономика становится еще более уязвимой перед внешними угрозами. Сохранение экспортно ориентированной экономической модели с государством, выполняющим роль «ночного сторожа», приведет к дальнейшей экономической и технологической деградации России. Очевидно, что преодоление технологической отсталости невозможно без соответствующей производственной базы. Но научно-техническое и технологическое развитие современной России в значительной степени зависит от импорта промышленного оборудования и технологий, а условия для развития промышленного производства на отечественных средствах производства отсутствуют.

Стремление преодолеть технологическую отсталость обуславливает необходимость кардинальной смены экономической политики государства, в том числе внешнеторговой, которую можно характеризовать как неопroteкционизм. Он предполагает применение разнообразных явных и скрытых мер защиты национального производства и рынков, становится неотъемлемым инструментом обеспечения экономической безопасности. Учитывая то, что понятие

«отечественный (национальный) производитель» утратило первоначальное содержание в процессе глобализации, политика неопротекционизма, в отличие от классического протекционизма, предполагает преференции в отношении тех предприятий, которые нацелены не только на экономическую, но и на социальную эффективность.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. Т. 2. М. : Госполитиздат, 1955. 652 с.
2. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М. : ИД Высшей школы экономики, 2015. 382 с.
3. The World Bank : [site]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator> (дата обращения: 01.02.2022).
4. Report on G20 trade measures. Geneva WTO, June 30, 2017. URL: <https://www.oecd.org/daf/inv/investment-policy/17th-Report-on-G20-Trade-and-Investment-Measures.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).
5. OECD Stat: [сайт]. URL: <https://stats.oecd.org/#>(дата обращения: 01.02.2022).
6. Федеральная таможенная служба РФ : [сайт]. URL: <http://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 01.02.2022).
7. Федеральная служба государственной статистики РФ : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (дата обращения: 01.02.2022).
8. Промышленное производство в России. 2021 : стат. сб. М. : Росстат, 2021. 305 с.
9. Промышленность СССР : стат. сб. М. : Финансы и статистика, 1988. 286 с.
10. Народное хозяйство СССР в 1988 г. : стат. ежегодник. М. : Финансы и статистика, 1989. 766 с.

References

1. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Essays: in 30 vols.]. Vol. 2. Moscow, Gospolitizdat, 1955. 652 p. (in Russian).
2. Reinert E. S. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Became Rich, and why Poor Countries Remain Poor]. Moscow, HSE Publishing House, 2015. 382 p. (in Russian).
3. *The World Bank*. Site. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator> (accessed 1 February 2022).
4. *Report on G20 trade measures*. Geneva WTO, June 30, 2017. Available at: <https://www.oecd.org/daf/inv/investment-policy/17th-Report-on-G20-Trade-and-Investment-Measures.pdf> (accessed 1 February 2022).
5. *OECD Stat*. Site. Available at: <https://stats.oecd.org/#> (accessed 1 February 2022).
6. *Federal'naya tamozhennaya sluzhba RF* [Federal Customs Service of the Russian Federation. Site]. Available at: <http://customs.gov.ru/statistic> (accessed 1 February 2022) (in Russian).
7. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki RF* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Site]. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705> (accessed 1 February 2022) (in Russian).
8. *Promyshlennoye proizvodstvo v Rossii* [Industrial Production in Russia. 2021. Statistical collection]. Moscow, Rosstat Publ., 2021. 305 p. (in Russian).
9. *Promyshlennost' SSSR* [Industry of the USSR. Statistical collection]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1988. 286 p. (in Russian).
10. *Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1988 g.* [National Economy of the USSR in 1988. Statistical yearbook]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1989. 766 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 09.02.2022; принята к публикации 10.02.2022
The article was submitted 02.02.2022; approved after reviewing 09.02.2022; accepted for publication 10.02.2022